

Киплинг Редьярд.

Самая удивительная повесть в мире и другие рассказы

Киплинг Р. Собрание сочинений в 6 т.

М., ТЕРРА, 1996. Том 5 -- 464 с.

с. 329-462.

Перевод В. И. Погодиной.

OCR: sad369 (27.02.2006).

Содержание

[Самая удивительная повесть в мире](#)

[В лесах Индии](#)

[Пропавший легион](#)

[Конференция представителей власти](#)

[Нарушитель судебного движения](#)

[Пред лицом](#)

САМАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ В МИРЕ

Его звали Чарли Мирс; он был единственный сын у матери-вдовы, жил в северной части Лондона и ходил ежедневно в Сити, где он служил в банке. Ему было двадцать лет, и он был полон надежд на будущее. Я встретился с ним в бильярдной, где маркер называл его просто по имени, а он называл маркера Бельсей. Чарли объяснил мне с некоторой нервностью, что он пришел сюда только посмотреть на игроков, а так как мне казалось, что смотреть на игру, где требуется ловкость, не так уж интересно для молодого человека, то я посоветовал Чарли вернуться домой к матери.

Это было первой ступенькой к дальнейшему нашему знакомству. Он стал заходить ко мне иногда по вечерам вместо того, чтобы бегать по Лондону вместе со своими товарищами-клерками; и вскоре, рассказывая мне о себе, как обыкновенно делают молодые люди, он поделился своими мечтами и надеждами, которые вращались исключительно в области литературы. Он желал заслужить себе бессмертную славу, главным образом стихами, хотя он был не прочь посылать свои рассказы о любви и смерти в дешевые журнальчики. Моя роль заключалась в том, чтобы спокойно сидеть и слушать, пока Чарли читал мне свои поэмы в сотни строк и громадные отрывки из драматических произведений, которые должны были перевернуть весь мир. А моей наградой за это было его неограниченное доверие и рассказы о его переживаниях и тревогах, которые так же священны для юноши, как и для девушки. Чарли никогда еще не попадал в сети любви, но очень боялся, что сделает это при первом удобном случае. Он верил во все прекрасное и во все честное, но самым забавным образом старался уверить меня, что он очень хорошо знал свет, как подобает его знать клерку, служащему в банке и получающему двадцать пять шиллингов в неделю. Он свято верил в то, что рифмы, которые он подбирал, были самыми удачными, какие когда-либо приходили в голову поэту. Длинные пропуски в драмах он заполнял торопливыми объяснениями и описаниями и стремился дальше, так хорошо представляя себе все, что он намеревался сказать, что оно уже казалось ему сказанным и всеми понятым. А затем он обращался ко мне и ждал одобрения.

Мне представляется, что его мать не особенно поощряла его стремления, и я знаю, что дома край умывальника заменял ему стол. Он говорил мне об этом в самом начале нашего знакомства, когда он опустошал мои книжные полки, и незадолго до того, как он умолял меня сказать ему всю правду относительно его шансов "написать что-нибудь действительно великое, вы понимаете?" Должно быть, я сильно обнадежил его, потому что однажды ночью он явился ко мне с горящими от возбуждения глазами и сказал задыхающимся голосом:

-- Как вы думаете, нельзя ли мне остаться здесь и пописать весь вечер? Я не буду мешать вам, я, право, не буду мешать! Мне негде писать у моей матери.